

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / Амазонки нашего аула

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

ПОЕЗД АТЫРАУ — АЛМАТЫ

Быль начальная

Посвящается Нурали

Поезд, отбывающий из Атырау ни свет ни заря, потянулся, словно сыромятный ремень, навстречу солнцу. Опустел перрон от силуэтов провожающих и машущих ему вслед рукой. Перед взором покати́лась степь, будто подставившая могучую спину прохладному сентябрьскому ветерку. Холмистая равнина, местами солончаковые прогалины. При порывах ветра кое-где песчаные барханы, отделившись от мягкого наста, настораживают свои гребешки и уши. Колёса неугомонно стучат, рассекая направо и налево прохладный утренний воздух.

Наконец улеглась и толчея пассажиров, что от маля до велика волочили свои баулы и чемоданы. Оче-

видно, всё умиротворилось, распределившись по своим полкам. Стою, прильнув к окну тамбура вагона, раскачивающегося в ритме стремительной прелюдии. Треклятый сигаретный дым жжёт нутро. Протяжно гудит тепловоз. Мимо, едва различимый от скорости, проносится встречный товарный состав. Последнюю открытую платформу, точно не приспособленного к узде стригунка, болтает из стороны в сторону.

— Ой, что вы не отдыхаете? — сказала, слегка улыbnувшись, вышедшая в тамбур девушка-проводница. Румяные щёчки, кровь с молоком.

— Скоро пойду.

— В Алматы собрались?..

— Да.

— Вы — писатель. Всё хотела на вас посмотреть. — В её больших маральных глазах мелькнул потаённый огонёк. — И вы не старый ещё вовсе...

— Ну, пока не горблюсь, — сказал я, воодушевляясь. Даже рассмеялся.

— Поставлю чай.

— Нет. Спасибо. Уж больно ко сну клонит.

— Буду рада чем услужить, — сказала она, поворачиваясь обратно. — Только скажите.

Внутри вагона стоит букет его обычных ароматов. Запах железа, машинного масла, пота и мочи, замешанный на дешёвых духах, перехватывает дыхание. В купе вольготно расположились три женщины. На приветствие только небрежно кивнули. На столике ломти тандырной лепёшки, нарезанные дольки помидоров, огурцы. Стоит раскупоренная бутылка. Обычное продолжение «посошка».

— Удачной поездки, барышни!

Подумав, что они чем-то напоминают большие куклы, заигранные и потрепанные детьми, я взобрался на свой второй ярус.

— Присоединяйся к столу, парень. Сто граммов, опять же... — приглашает лукавым взглядом смуглянка с оттопыренной нижней губой. Вокруг век морщинки, жидковатые, дорисованные брови.

— Садись, не съедим! — вторит ей дебелая толстушка, едва подвигая свои объёмистые габариты. Потеснилась, вероятно, ради приличия.

— Премного благодарен! Я бы прилёг.

— От приглашенья отказать — потом бы не пожалеть! — ехидничает белолицая зазноба, поглядывая в кругленькое, в аккурат с глаз верблюда, зеркальце. — Поди, интеллигент. Да на кой ему сдались базарные тётки, как мы! Лучше разливай!

«Горячие манты. Копченая рыба. Свежее пиво, закуски!» — угасают назойливые возгласы разнощицы-официантки...

Засыпаю. Прямо под подушкой монотонно стучат колеса. «Гони-гони. Поспешай. Скорее б уж окунуться в благоухающие предгорья Алатау...» — шепчу в полудрёме. Ворочаюсь между сном и явью.

Пробудился. Уже полдень. Попытался встать, но неумолчный трезвон женских голосов пригвоздил меня опять к подушке.

— С поезда не встретил. Наняла одного из этих, носильщиков, и села в такси...

Подсмотрел украдкой — смуглянка с оттопыренной нижней губой. Раскрасневшаяся.

— И что потом?

— Странно как-то!

— Скажи лучше: срамно как-то! Так будет поточнее! Начала с ходу колошматить дверь. Не открывает. Телефон — не поднимает. Соседи все на ушах. Мямлят что-то вроде: «Только, кажись, был...», «Да дома должно быть...». Сердцем почуяла что-то неладное.

— Не откроешь, ведь сломаю! — кричу и сама пинком эту железную дверь. Кровь прямо в голову ударила.

— Ладно, давай, чуть-чуть выпьем!

— Наливай смелей. Пусть полегчает.

В бутылке булькнуло. Стаканы звякнули.

— Дверь всё-таки открыл. «А я думал, ты завтра ночью приедешь. Чо-то крепко заснул...» — бормочет сквозь зевоту. Глазки всё смеживает. Затащила я баулы и стала переодеваться... Вдруг слышу, в платяном шкафу чихнул кто-то.

— Ты погляди-ка, мотню не может подобрать...

— Ни стыда ни совести у этих мужиков!

— Я тотчас же в шкаф. Смотрю — сидит эта самая бестия. Уткнулась в мою норковую шубу. С головой прикрылась. Я её наружу выволокла за волосы. Ой, так от души её пинанула! Да как хорошо, что туфли на мне были на каблучка!.. В общем, вышвырнула я их обоим взащей. Пускай, думаю, катятся с треском!

— Так им и надо!

— Побомжует, посмотрим! Родственники его пусть полюбуются!

Меня душит приступ смеха, будто пятки пощекотали. Это ж надо: думал мужик шило в мешке утаить... Прикрылась шубой, нафталин в нос... Вдвоем под ручку уносят ноги... Картинка выстроилась в щепочку и стала маячить перед глазами. До неловкости запершило в горле. Затыкаю рот простыней. Кусая, чтоб не расхохотаться, пальцы. «Идиотизм какой-то!» — имея в виду собственный смех.

— Так им и надо! — повторяет дебелия толстушка, наклоняясь всем телом, чтобы пересесть. — Вот у меня всё вроде есть. Разъезжает на иномарке. Нет ему заботы, что пить и есть. Выпендривается... А там кто его знает?.. Я про мужа своего.

— Из-за плохого коня и телегу жаль! — говорит белолицая, вновь беря кругленькое, в аккурат с глаз верблюда, зеркальце. Затем тонкими шипчиками подщипливает брови.

— Слышь, девонька, повыдергаешь всё, что потом рвать будет нечего, — замечает смуглянка с оттопыренной нижней губой.

— Найдётся что, сестра.

— И правильно делаешь, что живёшь в своё удовольствие. Встретится ещё тот, кто поднесёт на старости чашку чая.

— Ба, мой дяденька спит ещё?! — В купе заглядывает девушка-проводница. Вижу из-под век: в глазах озорные искорки.

— Кто это, вообще?

— Тс-с! Известный человек. Писатель.

— То-то я погляжу. Всё ясно... Недавно по каналу «Казахстан» что-то там языком молот.

— Э-э, и я видела! «Независимость получили. Государство построили. Но почему у нас нет личностей, радеющих за это самое государство?» — заявлял он.

— Правильно. Зато у нас демагогов хоть отбавляй.

— Ну, хватит вам зазря говорить. Будете пить чай? Скоро Кандыгаш.

Голос девушки-проводницы прозвучал резче обычного, и дверь за ней задвинулась со стуком. Голва моя будто колокольне сподобилась. Не без труда спустился и выбрался в коридор вагона.

В соседнем купе четыре парня. Разложили карты. Игра, по всей видимости, в самом разгаре.

— Бей тузом! Красавчик! — поощряет басовитый один.

— Скажи, разве не надул?! Давай, гони бабки! — заливается другой сверестящим ныне модным смехом. — Сам попался, кто дёрнул крыть пиками!

Впереди вырисовываются очертания небольшого городка. Вскоре, шипя и замедляя ход, поезд причалил к станции. На перроне один русский старожил торгует арбузами и дынями, сгрудив их под ноги, точно ягнят на выпасе. Потрясая поредевшей бородой, время от времени зазывает публику:

Подходи, народ, на мой огород:

Арбузы как сахар, дыни как мёд!

Словно в стихийном потоке, невзирая ни на что, движется разбитная толпа. Многие на хмельных парах. Свадьба была. Молодожёнов провожают. С разных сторон слышны хлопки шампанского и пение вразной. И млад, и стар, взяв в тесный круг невесту под белым шёлковым платком и женихамолодца, отплясывают кто как горазд. Чьей-то дергающейся голове подтанцовывают чьи-то грациозно покачивающиеся бёдра на другом краю развеселого круга.

— О, композитор! — восклицает дамочка в теле, заключая меня, оказавшегося неподалеку, в крепкие объятия. — Ну-ка, спой нам свою коронную «О далёкой алтайской красавице...»! Споём вместе. Ну, начинай!

Смущённо улыбаясь, отрицаю, качая головой.

— Ты думаешь, я тебя не узнала?

— Извините, но вы обознались. Композитор, царство ему небесное, уж странствует в мире ином.

— Хватит заливать-то! Это же ты! Лучше не зли меня!

— Злись, если так хочется.

— Да если я захочу, то будешь моим мужем!

— Прекрати, Кульпаш, как не стыдно! — упрекает, очевидно, одна из её подруг.

— С ней бывает. В прошлый раз тоже учудила...

— Глянь-ка, как ухватилась-то, — подзуживает соседка с другого боку.

Выкидывая клубы белого и чёрного дыма, поезд тяжело вздрогнул. Загромыхали привычно колеса.

— Будьте счастливы! — кричат вслед вагону бегущие люди. — Погуляем и на вашей свадьбе! Успеем!

Перед глазами кренился бесконечная равнина. Остаются далеко позади одинокие домики разъездов. Изъеденный дождями и солнцем шифер на крышах. Подёрнутые соляной изморозью старые стены из красного кирпича. Старик верхом на верблюде и в колпаке набекрень заворачивает ко двору животинку. Распластав крылья, пролетает ворона. Давно уже не подававшая о себе знать застарелая тоска охватила меня и подкатила к горлу. Подступают и душат непрошенные слёзы.

Почтенная старая женщина, севшая в вагон на станции Шалкар, машет в пустоту рукой, приговаривая:

— Доведётся ли увидеться вновь, нет ли, храни тебя Аллах! — Потом с тихой дрожью в голосе: — Священной земле твоей кланяюсь!

— Это вы Шалкару?

— Да, сынок, краю обетованному, — ответила она. — От лютого голода и холода спасла нас эта земля.

— Расскажите, если нетрудно.

— Да что и говорить. Мы тогда летовали в окрестностях Аральского моря. Отца объявили врагом народа. Когда его забирали, мне было, говорят, годика три. Родственники стали нас избегать. Мама сидела без работы. Хуже всего, что на нас указывали пальцем, как на прокажённых. А голод брал своё. Родители матери были родом вот из этих мест. Посадив меня на спину, она дошла сюда пешком за три дня и три ночи...

— Это ж надо времена-то какие были!

— Да что и говорить! Мама стёрла ноги до крови, пока пришла на станцию. Я уже не держала головку, глаза закатились. Шутка ли — во рту ни маковой росинки. Оказавшись на местном базаре, мать отдала татарке-скупщице своё единственное богатство, сохраненное от её приданого, — два старинных золотых браслета. Еле выторговала полмешка проса. Толкла его в ступе, размешивала с водой и заталкивала мне в рот. Выкарабкались, в общем. Так я и росла в семье деда и бабки, пока не повзрослела и не вышла замуж.

— Бедные, вот оно как...

— Да что и говорить. Но в других краях сытым быть, голубчик, не лучше, чем в родном Шалкаре жить впроголодь. Доведётся ли увидеть вновь, нет ли, храни тебя Аллах!

Из другого конца вагона раздаётся булькающий баритон: «Сундучок набит товаром, покупайте — почти даром! За просмотр деньгу не просим, свой

прилавок сами носим...» Затем, звеня бижутерией и всякими безделушками, этот странный мужичонка протискивается и за нашими спинами.

— Ой, мороз, мороз! — голосят на весь вагон три захмелевшие женщины. Глаза смуглянки с оттопыренной нижней губой на мокром месте.

Солнце катится к закату. Дует холодный ветер. Поезд, набрав скорость, стремительно скользит по двухполосной колее полотна. Встречные электрические опоры, не поддаваясь счёту, наперегонки убегают за проплывающие мимо окон косогоры.

— Ох, душа моя! — слышится в отдельном купе сладкий стон молодой невесты.

— Всё выпотрошили, пройдохи! Вплоть до нитки, — слёзно причитает знакомый голос, ещё недавно издававший горделивые нотки.

— Не мельтеши! Играй нормально, говорю! Чо ты даму королём не кроешь? — басит кому-то напарник по картам. — Пеняй тогда на себя!

— Ночь уже. А вы всё ещё стоите. Пойдёмте в моё купе, — говорит девушка-проводница, сияя большими маральими глазами. Румяные щёчки, кровь с молоком. — Верхняя полка свободная. Всё хотела на вас посмотреть... Прибываем в Кзыл-Орду.

Я невольно улыбнулся.

Из крайнего купе, отрывисто покашливая, вышел преклонного возраста человек. Быть может, моё дневное бдение у окна показалось ему странным. Медленно ступая, приблизился ко мне. В это время поезд тоже замедлил ход.

— Сон нейдёт, — сказал он. — Будем знакомы, раз попутчики. Беседа ведь коротает дорогу. Из какого рода-племени будешь?

— Не из племени я, вообще-то. Просто сам по себе — сказал я, сжимая ручку своего дорожного портфеля. — Пожалуйста, не утруждайтесь...

В Кзыл-Орде сошёл. В Алматы полечу самолётом...

Поезд тяжело тронулся, будто перегруженный поклажей и унынием суетных своих пассажиров. Неугомонно застучали колеса, рассекая направо и налево холодный воздух ночи.

...И тихо плакали души моей сиротливые колокольчики.